

ВОСКРЕСЕНЬЕ

К 50-летию образования области

„СТАНОВЛЮСЬ Я ПОХОЖИМ НА ЭТИ КРАЯ...“

Более тридцати лет назад в одном из ответов читателям Э. Г. Казакевич писал: «Что дала мне Родина? Станный вопрос задаете вы мне, товарищи. Разве можно спрашивать у рыбы, что дает ей вода? Что такое для нас наша Родина, мы знали и чувствовали всегда. Но только события последней войны во всю ширь раскрыли перед нами, тридцатилетними, сущность советского строя и его принципов. До этой войны мы были только наследниками и перед нами стояла опасность стать эпитонами, повторяющими чужие слова. Война сделала нас соучастниками великой идейной борьбы, защитниками завоеваний Октября не на словах, а на деле».

Соучастие — вот ключ ко всей жизни выдающегося советского писателя. Летом сорок первого он вступил в ополчение, воевал под Москвой. От рядового ополченца до начальника дивизионной разведки и офицера разведотдела штаба армии — таков воинский путь будущего автора «Звезды» и «Синей тетради». Три ранения, восемь орденов и медалей — такова боевая характеристика Казакевича.

«...Там, на войне, — писал в 1962 году Александр Твардовский, — родился выдающийся мастер русской советской прозы, до войны известный лишь как автор стихов и поэм на еврейском языке».

Вспомним далекие довоенные годы. Харьков тридцатых годов, водовороты литературных страстей и направлений, из которых в полный рост вставала со страниц поэм и романов живая и горячая

жизнь первого в мире социалистического государства.

Отца Эммануила, известного на Украине критика и публициста Генриха Львовича Казакевича направили в то время на Дальний Восток, где разворачивалось строительство молодого города на Бире. Эмка поехал вместе с отцом, даже чуть раньше него. Болотами, дикостью тайги, миллионами комаров встретила переселенцев земля Биробиджана. Собственно, города еще и не было. Станция Тихонькая представляла собой несколько бараков в полусотне метров от железнодорожной станции.

Но это было только начало. Вслед за эшелонами с переселенцами шли составы с различными машинами, строительными материалами, продовольствием. В августе 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление об образовании в составе Дальневосточного края Биробиджанского национального района, а спустя еще четыре года — об образовании Еврейской автономной области, которая с первых дней своего существования строилась при активной помощи всей страны, в братском содружестве всех ее республик.

Через год после переезда на Дальний Восток Эммануил Казакевич вернулся в Харьков за матерью. Он привез с собой и с гордостью показал ей свою первую книжечку стихов, озаглавленную «Биробиджанстрой». Писатель Борис Миллер вспоминает, что это была вообще самая первая книга, изданная в Биробиджане на еврейском языке. «С первых же шагов, — пи-

шет Б. Миллер в своей повести «Ясность», — Эммануил окунулся в работу, быстро накопившая тот жизненный опыт, которого ему недоставало раньше. Работал он и председателем колхоза, и заведующим Домом культуры, позднее стал организатором и первым директором местного театра. Перевел несколько пьес и поставил свою веселую комедию. Но театр отнимал слишком много времени, и он перешел на работу в редакцию газеты...».

Вокруг Казакевича группировалась творческая молодежь города, и хотя официально литературной студией руководил старейший писатель Биробиджана Давид Бергельсон, негласное руководство было на стороне Эмки — темпераментного, острого на язык парня с веселыми, добрыми глазами.

Старожилы области вспоминают время, когда Э. Казакевич был председателем одного из переселенческих колхозов. Вместе со всеми он корчевал тайгу, ставил первые дома, по вечерам у костра слушал долгие разговоры товарищей о прошлой, нынешней и будущей их жизни. Кто знает, может быть, там и написал он свои первые стихи:

Где легче нам жить
и трудней умирать?
Герой нам поможет какой?
Кто нам расчистит
таежную гать?
Только мы сами — своею
рукой...

Будущий писатель не только вел за собой людей, но и щедро делился с ними своим духовным богатством, приобщал колхозников к тем сокровищам литературы и ис-

кусства, которыми сам владел в полной мере. Он читал им стихи на русском, еврейском, немецком языках, и под ночным таежным небом звучали бессмертные строки Пушкина, Маяковского, Гейне.

Сегодня многое в Биробиджане напоминает о Казакевиче. Кинотеатр, построенный его руками. Улица, названная его именем и расположенная в одном из новых микрорайонов областного Центра. Мемориальная доска, установленная на здании редакции, в которой он работал. Сохранились тексты его выступлений на комсомольских конференциях, фотографии тех лет. Наконец, в городе есть люди, близко знавшие, работавшие с Э. Казакевичем.

И когда разговариваешь с ними, вглядываешься в желтевшие фотографии и документы, то невольно чувствуешь, что прикоснулся к живой истории становления не только города на Бире, но и становления писателя-коммуниста, чувствуешь горячее дыхание того незабываемого времени...

От первой стихотворной книжечки, отпечатанной вручную на серой оберточной бумаге, до широко известных произведений — таков творческий путь Эммануила Генриховича Казакевича. Он совершил поездки на Урал, в Среднюю Азию, побывал во Франции, ГДР, Италии. И, конечно, был на Дальнем Востоке, на земле своей молодости, в городе, поднимавшемся среди болот и тайги, в городе, о котором он написал такие прекрасные строки:

Становлюсь я похожим
на эти края,
не прохожий, а общего
дела участник.
Полюбила меня, приснушила
меня
та земля, на которой
я счастлив!